

Н. Г. Бабенко
Балтийский федеральный университет им. И. Канта
(Россия, Калининград)
banagr@rambler.ru

СЛОВОТВОРЧЕСТВО КАК ФЕНОМЕН ИДИОСТИЛЯ НАДИ ДЕЛАЛАНД (К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ АНАЛИЗА)

Одной из характерных черт идиостиля Нади Делаланд является словотворчество, возведенное автором в доминантный прием смысло- и текстообразования, в один из главных способов актуализации читательского восприятия. Поэтическое речеведение Делаланд отличается естественным, как дыхание, переходом от узуального к индивидуально-авторскому – потенциальному (не противоречащему языковым нормам) и собственно окказиональному, девиантному.

Поэтические новообразования Делаланд в целом отвечают общепринятой типологии окказионализмов, но при этом структурно-семантическая интерпретация каждого словотворческого акта выявляет особый, неповторимый характер авторской «сдвигологии» и требует специализированной методики описания. В подтверждение сказанному проанализируем несколько инноваций Делаланд.

Пример 1: *Посмотри в окно – / все **ветрым-ветро**, / око ветра льнет, косо сеется, / се февраль грядет, слеповатый крот, / снегороющий, крайне северный <...>*

Лексический окказионализм *ветрым-ветро* – экспрессив, выражающий размах, разгул февральской стихии, образован лексико-синтаксическим способом по аналогии с узуальными прилагательными *черным-черно*, *белым-бело*, но с существенным отступлением от языковой словообразовательной модели: мотивирующей основой новообразования выступает не прилагательное, а существительное, к которому и приклеиваются адъективные окончания – окаменевшее в процессе деривации *-ым* и подвижное *-о*.

Пример 2: *<...> трогаю кружку, она несмешно смеется. / Я у нее печальная дура с нежной / нижней губой, что шепчу иногда ей прямо / в прорубь кофейной лунки о неизбежном, / о невозможном, ненужном, шепчу и прячу / каждое слово вместе с глотками в горло / вечной **ротацией** слов наполняя время.*

Междисциплинарный термин *ротация* (от лат. *rotatio* – ‘круговое движение’) употреблен в стихотворении в роли слова-стимула языковой игры на корневом созвучии существительных *рот* (‘анатомическое пространство речи’) и *ротация* (‘смена, обновление’), что приводит к возникновению семантического окказионализма *ротация* со значением ‘внутренняя («ротовая») работа поэта со СЛОВОМ’.

Пример 3: *Я могла бы стать деревом / и стоять, как дубина, / триста лет, мой любимый, / ты мне веришь, мой **веримый**? <...>*

Изначально *веримый* – грамматический окказионализм, созданный с нарушением нормы формообразования причастий, согласно которой от непереходного глагола *activa tantum* (каким и является глагол *верить*) возможно образование только действительных причастий. В контексте стихотворения Делаланд слово *веримый* (как и «модельное» для него слово *любимый*) является отпричастным существительным – продуктом субстантивации. При этом концептуальная близость и структурная изоморфность слов *любимый* и *веримый* размывает, нейтрализует аномальность окказиональной словоформы: *любимый* – ‘тот, кого люблю’; *веримый* – ‘тот, кому / в кого верю’.

Пример 4: *Жизнь неизбежна и скоропостижна, / когда я из безумия не выжив, / остановлюсь на медленном мосту, / глаза закрою, смолкну, прорасту. / На хрупкой ветке слезы высыхают, / неглубоко, поверхностно, верхами / пройду по дням своим, по кромкам ран. / Клиническая жизнь, давно пора / войти в нее, не закрываясь от, / пока сама себя не заживет.*

В этом стихотворении о неразрывной связи жизни и смерти смыслопорождающий сдвиг в сторону окказионального является комплексным и эксплицируется, во-первых, предложением *Жизнь неизбежна и скоропостижна*, за подлежащим которого *жизнь* мы прочитываем *смерть* (что обусловлено лексической одновалентностью прилагательного *скоропостижная*); во-вторых, сочетанием слов *клиническая жизнь*, воспринимаемым на фоне термина *клиническая смерть* (‘обратимый этап умирания’); в-третьих, необычным сочетанием слов *медленный мост* = ‘пространство и время перехода в инобытие’ (причем остановка на пути к смерти актуализирует жизнь); в-четвертых, антиномией узуальной (*выжить из ума*) и окказиональной (*из безумия не выжив*) фразем; в-пятых, автономностью употребления предлога *от*, обуславливающей разворачивание имплицитного ассоциативного ряда: от боли, страдания, страха, смерти и т.п.

Пример 5: *Багульник зацвел фиолетовым светом / и вот иномирен теперь и лучист / кварцует всю кухню и пахнет бессмертно / весенним осенним дрожаньем свечи / багульник какой ты багульник какой ты / багульник багульник (как ты щегловит) <...>.*

Употребляя новообразование Мандельштама (*Сознаешь ли – до чего щегол ты, / До чего ты щегловит?*) в качестве интертекстемы и определяя этим словом флористическое существительное *багульник*, Делаланд расширяет сочетаемостные возможности прилагательного *щегловит* и тем самым актуализирует лексическое значение ‘равный себе, органичный и прекрасный в своей самости (обо всем живом)’.

Приведенный материал, конечно же, не представляет всего разнообразия индивидуально-авторских новообразований Нади Делаланд, но в допустимой жанром тезисов мере характеризует словотворчество как феномен ее идиостиля.